

Чернобыль глазами очевидца

— Репортаж с места события —

Три недели (с первых дней после аварии) находился на Чернобыльской атомной электростанции Леонид Андреевич Ильин — действительный член Академии медицинских наук СССР, ведущий специалист в области радиационной гигиены, представитель СССР в научном Комитете по действию атомной радиации ООН. Он координировал усилия в контроле за радиационной обстановкой, в организации защиты здоровья населения и тех, кто устраняет последствия аварии.

— Как вы оцениваете ситуацию сегодня, и прежде всего медицинские последствия аварии! — мой первый вопрос академику Ильину.

— Сейчас мы уверенно владеем ситуацией. Медицинскими службами Украины и Белоруссии были оперативно сформированы более 230 врачебных бригад — они осуществили все необходимые меры помощи.

Специалисты пришли к выводу о целесообразности эвакуировать всех жителей населенных пунктов, расположенных в радиусе 30 километров от АЭС, независимо от уровня радиоактивности, хотя он не везде вызывал опасения. В целом было эвакуировано около 100 тысяч человек. Каждый из них прошел специальные обследования: помимо дозиметрических измерений, показывающих объективную картину возможного облучения, врачи анализировали состояние крови (она в первую очередь реагирует на соответствующее воздействие) и щитовидной железы (именно в ней накапливается йод-131, на долю которого приходилась большая часть радиоактивных выбросов).

Хотел бы обратить внимание на следующее важное обстоятельство. Все эвакуированные находятся под динамичным медицинским наблюдением. Оно свидетельствует: ни у одного из обследованных не выявлено острой лучевой болезни.

К сожалению, сильному облучению подверглись люди, оказавшиеся в непосредственной близости от аварийного реактора и принявшие участие в тушении вспыхнувшего пожара. Около 300 пострадавших были госпитализированы. Ряду из них медицина оказалась бессильной спасти жизнь. В течение месяца после аварии 19 больных скончались.

— Какой день из трехнедельного пребывания в Чернобыле был для вас самым тяжелым?

— Работать приходилось по крайне напряженному графику, и мне трудно выделить какой-то один день. Необходимо было мобилизовать и быстро проанализировать большой объем информации. Прежде всего, касающейся дозиметрических данных. Непросто координировать и усилия тысяч медицинских работников, перед которыми одновременно вставало множество вопросов. Согласитесь, вдруг покинуть свой дом — психологическая травма для людей: их надо было успокоить, объясняя каждому необходимость такой меры. Врачи работали, не считаясь со временем, сутками не спали. Но я хотел бы отметить и другое — отношение населения к эвакуации. В Припяти и прилегающих к этому городу поселках она была проведена в беспрецедентно короткое время — не многим более чем за три часа. Сама экстренность эвакуации могла создать панику. Но ее не было.

Люди понимали: это проявление заботы о них и четко выполняли наши рекомендации. Они касались санитарной обработки одежды и вещей, проведения профилактических мероприятий, в частности приема препаратов стабильного йода. Без паники воспринимались и направления на госпитализацию, когда возникла необходимость в углубленном стационарном обследовании (продолжалось оно, как правило, недолго). Ясно, что потребовалось внести коррективы в работу медицинских учреждений.

— Вы сказали о препаратах стабильного йода. Получали ли их люди, живущие за пределами 30-километровой зоны? Я спрашиваю вас об этом потому, что приходилось слышать о необходимости принимать меры предосторожности. Например, больше находиться в помещениях, не открывать форточки... В этом действительно была необходимость?

— Ее не было и нет. Ни в один из дней после аварии, радиоактивность вне непосредственной близости от станции не приближалась к уровню, представляющему опасность для здоровья. Я говорю об этом уверенно, потому что сам не однажды выезжал из Чернобыля, например, в Киев, где находился по нескольку часов, знакомясь на месте с радиационной обстановкой.

Кстати, все данные дозиметрических измерений постоянно передавались МАГАТЭ и становились предметом анализа специалистов разных стран. В частности, компетентные эксперты Всемирной ор-

ганизации здравоохранения сделали уже 6 мая такие выводы: нет необходимости для проведения среди населения специальных мероприятий (в частности, для назначения препаратов йода); нет оснований и для наложения эмбарго на экспорт пищевых продуктов или для ограничения передвижения населения (в том числе и в рамках международного туризма).

Что касается советов, о которых вы спрашиваете, то их появление я объясняю скорее неожиданностью и необычностью случившейся беды — в интерпретации возможных последствий не обошлось без крайностей. Невольных и, как вы знаете, преднамеренных. Под преднамеренными я имею в виду сообщения западной прессы о «тысячах жертв аварии», о «мертвом Киеве» и т. п. Я был очевидцем происходившего, у меня нет оснований ни драматизировать, ни упрощать ситуацию. Она была сложной. Чтобы взять ее под контроль, предусмотреть и перекрыть все возможные пути распространения радиоактивных веществ, требовались немалые усилия.

Особое внимание уделялось контролю за возможным включением радиоактивных веществ в так называемые пищевые цепочки. Известно, что примерно через двое суток после выпадения радиоактивных осадков их следы обнаруживаются в молоке (если животные питались травой в зоне их выпадения). Поэтому населению рекомендовалось не потреблять молоко, не прошедшее специальную проверку (она проводится многократно — на фермах, на молокозаводах, перед поступлением в магазины). Замечу, весь скот, вывезенный из 30-километровой зоны (а это тысячи голов), прошел дозиметрический контроль.

— В устранении последствий аварии сегодня участвуют тысячи людей, многим, понятно, приходится переступать границы зоны безопасности, работать в условиях повышенной радиоактивности. Есть ли гарантии, что это не скажется на их здоровье?

— Да, есть. Каждый из нас каждодневно соприкасается с радиацией — все мы живем и всегда жили в условиях естественного радиационного фона. Опасные последствия радиация вызывает лишь при определенных дозах воздействия. Каковы они — мы знаем. Для работающих сейчас в зоне станции принята предельная доза в 25 рентген — согласно многочисленным исследованиям специалистов разных стран, она не может повредить здоровью. Мы позаботились о том, чтобы эта доза не превышалась. Войти в зону можно лишь через специальные санитарные пункты, где каждому выдаются индивидуальные дозиметры.

Прежде чем группа рабочих отправится на свой участок, туда на специальных машинах выезжают дозиметристы: они измеряют уровень радиоактивности, что позволяет уточнить допустимое время пребывания на том или ином участке. Как только регистрируется доза в 25 рентген — человек отстраняется от работы. Это закон для всех.

— И последний вопрос. Так уж случилось, что наши беседы с вами всегда касались движения «Врачи за предотвращение ядерной войны». Вы только что вернулись из Кельна с очередной встречи участников движения. Конечно же, вам пришлось рассказывать о случившемся в Чернобыле. Аспектов здесь, понятно, множество. На чем вы акцентировали внимание?

— Печальные события, связанные с аварией в Чернобыле, показали: даже обозримая радиационная опасность в локальном регионе потребовала мобилизации сил всей страны, чтобы предупредить опасные последствия вышедшей из-под контроля энергии атома, свести их к минимуму. Эти опасности несоизмеримы с теми, которые возникли бы в случае ядерного конфликта. Даже ограниченного, хотя участники нашего движения предупреждают: на ограниченный конфликт надеяться не приходится. Начнись — он незамедлительно и неотвратимо перерастет в глобальную термоядерную катастрофу, в которой никто никому не сможет помочь. Сегодня это — еще яснее.

Беседу вела
Элеонора ГОРБУНОВА,
научный обозреватель
АПН.